

ЯНТАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ В НЕОЛИТЕ – ЭНЕОЛИТЕ ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

© 2022 г. С. В. Ошибкина*

Институт археологии РАН, Москва, Россия

*E-mail: ra@iaran.ru

Поступила в редакцию 14.07.2021 г.

После доработки 14.07.2021 г.

Принята к публикации 14.06.2022 г.

Причина широкого распространения украшений из янтаря в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы остается открытым вопросом. Обычно на стоянках отсутствует янтарное сырье, изредка фиксируются следы доработки или починки изделий. Возможно, уже в древности происходил активный обмен янтарных изделий на пушнину или некоторые породы камня. Косвенным доказательством этого может быть резкое увеличение добычи кунницы на стоянках охотников-собирателей в конце мезолита и, особенно, в неолите, что видно в спектрах остатков фауны на стоянках Верхнего Поволжья и Севера. На могильниках этого времени в Восточной Европе заметна разница в распределении янтарных изделий и прочих престижных предметов, появление особенно богатых погребений, что можно объяснить социальным расслоением общин и выделением богатых или особенно уважаемых охотников. Появление янтарных изделий нигде не меняло традиций местных этнокультурных образований (культур).

Ключевые слова: янтарные изделия, неолит – энеолит, Прибалтика, север Восточной Европы.

DOI: 10.31857/S0869606322040134

Янтарь – ископаемая смола, одна из ее разновидностей известна как сукцинит (*succinit*). Самые большие скопления янтаря находятся на разных участках юго-восточного побережья Балтийского моря. Они образовались при переносе ледником из Скандинавии на юго-восток лесов из янтарной сосны (*Pinus succinifera*). После таяния ледников в дельтах рек Балтики, от Самбийского полуострова до севера Куршской косы, возникли торфяники с линзами “голубой земли”, которые тянутся вдоль побережья. В линзах формировались отложения янтаря (Grigelis, 2001. P. 35–40. Fig. 4).

Янтарь находят в торфяниках Белоруссии, Украины, Польши, а также у берегов внутренних морей и озер Канады (Ward Aber, Kosmowska-Ceranowicz, 2001), в США, Мексике и Японии. В России у побережий северных морей известен арктический янтарь – на южных берегах Белого и Баренцева морей, на мысе Канин Нос, в устьях северных рек до Карского моря (Стоколос, 1997. С. 296). В Сибири, в низовьях р. Колыма, на Ян-ской палеолитической стоянке найдено янтарное изделие, похожее на украшение. Зафиксированный на стоянках янтарь иногда исследуют для определения источника минерала – из балтийских или арктических отложений сделан предмет.

По условиям формирования и составу смолы янтарь может быть красным, коричневым, зеленым, желтым и белым.

На берегах Балтийского моря сборы природного и археологического янтаря начались в конце XVIII в., главным образом на побережье Самбийского полуострова и Куршской косе, вблизи совр. литовского пос. Юодкранте (лит. Juodkrantė/Черный берег, нем. Schwarzort/Черное место) в местности Шварцортский янтарь (Schwarzorter Bernstein). В XIX в. на участках юго-восточного побережья Балтийского моря было известно около 400 мест сбора природного янтаря и также предметов, обработанных человеком (Reich, Reitner, 2014). Обзор находок и статистика, по данным Р. Клебса, показали, что центр добычи минерала находился в Восточной Пруссии (совр. Литва). На соседних территориях – в Германии, Польше, Украине, известны отдельные вещи, наиболее удаленные происходят из Великобритании (Klebs, 1882).

Основная часть собрания янтаря и предметов из него получена при строительстве порта Мемель (Клайпеда), принадлежала горнодобывающей фирме “Бергбай-Штацион Бекер” (Bergbau-Station Becker). К 1899 г. в данном собрании насчитывалось около 100 тыс. изделий, в том числе

известные уникальные предметы, а именно фрагменты с включениями древней флоры и фауны — ящерицы, блохи, растения, из коллекции Р. Клебса (Klebs, 1882). Собрание находилось в Музее фармакологии и геологии Кенигсберга (совр. Калининград). В ноябре 1944 г. коллекция вывезена в Германию, находилась в Геттингене, в Музее Университета имени Георга-Августа. В сентябре 1945 г. она оказалась в зоне английской оккупации, в 1958 г. частично возвращена в Калининград. К этому времени в собрании осталось около 18 тыс. предметов, остальные рассеяны по музеям Европы и США.

В настоящее время обнаружено много археологических объектов — поселений и могильников с янтарем не только вблизи побережья Балтики, но большей частью в Восточной Европе. Распространение украшений из янтаря относят к разным периодам неолита, но остается вопрос о причинах появления этих изделий на огромной территории. К тому же часто они представлены в сходных наборах. Обсуждается вопрос о миграции групп неолитического населения, военных походах на удаленные территории или других причинах появления янтарных изделий, например об экономических связях населения. Полагают, что распространение изделий из янтаря началось еще в конце мезолита. В этом отношении особенно важны вопросы культурной принадлежности и независимой хронологии янтарных изделий.

Янтарь в мезолите — неолите Дании и Швеции. Об использовании янтаря в позднем мезолите говорят отдельные находки со стоянок Северной и Восточной Дании. Среди них фигурка бурого медведя из красного янтаря, с резным геометрическим орнаментом в стиле культуры маглемозе (Larsson, 2001. Р. 65), найденная в болоте Ресен на севере Дании. Интересны фигурка из желтого янтаря, находка из Фано в Восточной Дании, изображение белого полярного медведя (*Ursus arctos*) с опущенной небольшой головой (Andersen, 1993. Р. 65). Об охоте человека на белого медведя или существования в древности этого зверя у северного побережья Дании свидетельствуют фаунистические остатки на стоянках, где найдены кости этого хищника. Полярный медведь, видимо, мог обитать на севере Дании в период 10000–8000–5000 BC (Brinch Petersen, 1993. Р. 46, 47). Мамонты и позднее полярный медведь могли существовать здесь долго и оставаться охотничьей добычей человека и объектом изобразительного искусства в палеолите и мезолите.

В Южной Швеции открыты могильники с янтарными изделиями. В могильнике позднего мезолита Скейтхолм 1 (Skateholm) найдены янтарные украшения (Larsson, 1994). Позднее, на севере Дании, островах, на крайнем юге Швеции

предметы из янтаря зафиксированы на многих стоянках позднего неолита. Это подвески, диски с орнаментом из ямок, антропоморфные, зооморфные или антропо-зооморфные фигурки. Изделия могли быть украшениями или сохранять сакральное значение вплоть до бронзового века (Larsson, 2001. Р. 71). Янтарные фигурки относят к среднему неолиту, их образы соответствуют лесной фауне, нередко повторяют кремневые и костяные изделия, связанные со стоянками гребенчато-ямочной керамики (Irsenäs, 2001. Р. 83).

Янтарь в Прибалтике. В неолите (V–IV тыс. до н.э.) Русскую равнину занимало население культур с ямочно-гребенчатой керамикой, заселявшее Северо-Запад и Верхнее Поволжье, Восточное Прионежье, Обонежье, Приладожье, достигавшее Беломорья. На этих территориях памятники культуры с подобной керамикой сменили мезолитические и редкие ранненеолитические. Для стоянок среднего неолита характерна посуда с круглым дном, орнаментом из горизонтальных зон, заполненных ямками и узорами из гребенчатого штампа. В орнаменты иногда включены зооморфные или антропоморфные фигуры — отдельные, в сложных композициях или фризах. Представлена мелкая пластика — фигурки из кремня, глины, кости. Новые данные подтверждают хронологию культур ямочно-гребенчатой керамики (Косорукова и др., 2018). Янтарные изделия в это время большая редкость. Полагают, что население этих культур постепенно перемещалось на север и запад, до берегов Финского залива.

В позднем неолите и энеолите (конец IV–III тыс. до н.э.) в Карелии, Латвии, Финляндии, Северо-Восточной Литве появляются новые культуры, по орнаментации керамики именуемые по-разному: прибалтийской, типичной гребенчато-ямочной или камкерамик (*kammkeramik*) (Indreko, 1957; Luho, 1957). Для этих культур характерны орудия из кремня, шифера и сланца, янтарные украшения и мелкая скульптура из глины и кости. Происхождением и традициями камкерамик или культура гребенчато-ямочной керамики связана с ранними культурами с ямочно-гребенчатой керамикой Верхнего Поволжья и северных регионов Восточной Европы (Янитс, 1956. С. 152–160).

При изучении янтарных изделий лесной зоны Восточной Европы главные вопросы обращены к выявлению источников янтаря и типичных изделий, причин и способов их распространения вплоть до тундровых пределов, хронологии этих событий. Обычно янтарь находят на стоянках со смешанным культурным слоем. В могильниках и погребениях, т.е. в закрытых комплексах, украшения служат более надежным источником информации для решения названных проблем.

В Литве в 1968–1989 гг. проводились систематические раскопки на Куршской косе, на стоянках группы Швянтойи. Выделены культурные слои мезолита, неолита и времени культуры шаровидных амфор, все с янтарем. Поселения с типичной гребенчато-ямочной керамикой, с наконечниками из кремня, сланцевыми орудиями, инвентарем, характерным для неолита Русской равнины, отнесены к началу неолита (IV тыс. до н.э.). В дальнейшем, в III тыс. до н.э., усилились контакты с населением нарвской археологической культуры на юге и камкерамик на севере (Rimantienė, 2001).

Исследованиями А. Бутримаса на поселении Дактаришки 5 в Литве установлена хронология культур от неолита до времени культуры шаровидных амфор. Уникальны находки янтарных дисков, круглых и овальных, с геометрическим крестовидным орнаментом, выполненным ямками. Диски и полулунные подвески с таким оформлением относят к нарвской археологической культуре позднего неолита, возможно, это сакральные предметы, связанные с солнечными и погребальными культами. Диски с крестовидным орнаментом известны в Польше и на Украине (Butrimas, 2018. Р. 33–38). В Юодокранте тоже найдена пуговица с аналогичным узором (Klebs, 1882. Tab. II, 33). Изделия полулунной формы, из янтаря или кремня считают лунарными символами, которые фиксируются наряду с фигурами в виде солнечного диска на стоянках неолита и бронзового века в верховьях Волги и на ее левых притоках, в Среднем Поволжье и на севере лесной зоны.

В Латвии на торфяниковой стоянке Сарнате Л.В. Ванкиной (раскопки 1949, 1958–1959 гг.) обнаружены янтарные предметы со следами обработки. Там открыты жилища двух типов – с пористой керамикой типа сарнате и другие – с керамикой с примесью грубой дресвы в тесте, круглым дном, с гребенчато-ямочным зональным орнаментом. Орудия, найденные в жилищах двух типов, по назначению и форме различны.

В домах типа сарнате представлены янтарные пуговицы, пронизи, диски (2 экз.). В домах второго типа набор изделий разнообразнее – шайбы, кольца с линзовидным сечением, пуговицы, пронизи, мелкие бусины, подвески-трапеции, фигурки животных, в том числе маленькая головка лося. В них обнаружены также заготовки со следами обработки. Изделия, как полагает Л.В. Ванкина (1970), готовили для меновой торговли. По находкам в Сарнате можно констатировать наличие разных групп населения. Обитатели второго типа жилищ – с гребенчато-ямочной керамикой – кроме охоты и рыболовства занимались изготовлением украшений для обмена и торговли. Здесь же найдены антропо- и зооморфные фигурки са-

крального назначения. Хронология периодов заселения двух типов жилищ – IV–III тыс. до н.э.

На Лубанской равнине И. Лозе исследованы стоянки с гребенчато-ямочной керамикой, инвентарем из кремня и сланца, янтарными изделиями разных форм – пуговицами-нашивками, подвесками, пронизями, кольцами. На стоянках найдена также пористая керамика с традиционным ямочным орнаментом (Лозе, 1979. Табл. 38).

У северного берега оз. Буртниеку, на низком песчаном возвышении, открыт могильник Звейниеки, исследованный Ф. Загорским в 1964–1971 гг. (Zagorskis, 1987). По результатам этих и последующих раскопок И. Загорской и Л. Ларсона в могильнике насчитывается всего 317 погребений. К позднему мезолиту отнесены два из них (№ 305 и 154). Янтаря в них нет. Часть могильника датирована радиоуглеродным методом по ^{14}C концом V–IV тыс. до н.э. Погребения в Звейниеки коллективные и одиночные, обряд захоронений сложный, янтарные украшения обычных форм – пуговицы, подвески овальные и удлиненные, кольца. Янтарь представлен в двух группах – индивидуальные могилы (8) и коллективные (11). Существует мнение, поддержанное антропологами, что захоронения принадлежат двум группам населения, различным по этнокультурным признакам (Zagorska, 2001). Уникальным считается использование янтаря в погребальном обряде, когда дисками прикрыты глазные впадины скелета. Это наглядный пример использования дисков в их сакральном назначении.

Согласно последним исследованиям, возраст стоянок неолита Латвии определяется от 4270 ± 60 BP до 4540 ± 60 BP (CAL 2921–3104 BC), или начало IV–III тыс. до н.э., что соответствует принятой большинством исследователей хронологии. Только могильник Звейниеки получил более ранние даты для нескольких погребений, что приводит иногда к выводам о миграции населения из Прибалтики в отдаленные районы Поволжья. Как полагают, методы датирования следует уточнить (Loze, 2001).

В Эстонии исследован могильник на поселении Тамула около г. Выру. Поселение с погребениями на окраине открыто в 1942 г. Первые раскопки проведены Х. Моора в 1946 г., затем в 1955–1956 гг. Л.Ю. Янитсом завершены исследования поселения с остатками жилища и 15 погребениями рядом с ним. Всего на жилой площадке в Тамула выявлено 21 погребение (Jaani, 1957). Из последних захоронений (погр. VII–XXI) янтарные украшения обнаружены в шести: трех детских погребениях, двух женских и одном мужском. Во всех случаях взрослых сопровождали единичные подвески овальной формы, в одном женском захоронении их 9 экз.

Особенно интересным оказалось погребение мужчины (XI), у правого плеча которого лежал скелет ребенка (погр. XII), сопровождаемый большим количеством вещей: подвесками из зубов животных, кости, янтаря, маленькой костяной лопаткой. Ноги ребенка прикрывали камни, под черепом лежали янтарные изделия — пуговица, подвеска и фигурка сидящего бурого медведя, около правой руки — каменный нож (Janits, 1957. S. 85. Abb. 4, 19). Все захоронения совершались в слое поселения после оставления его жителями, как это прослежено на многих стоянках неолита; такая традиция подтверждается этнографическими примерами. Янтарные и прочие предметы могли быть посмертными дарами, а к детям соплеменники проявляли особое внимание как к членам охотничьей популяции.

В Финляндии памятники позднего неолита — энеолита относятся к археологической культуре якерля. Особенности керамики типа якерля впервые отмечены в 1915 г. А. Европеусом, затем их изучение продолжали периодически многие известные исследователи. Стоянки якерля расположены вдоль Ботнического и Финского побережий Балтийского моря, но вдали от них, также на Аландских островах. Наиболее известно поселение Колмхаара в скоплении стоянок, ориентированных на Ботнический залив. Раскопки этого поселения начаты в 1938 г., завершены в 1940—1963 гг. Памятник занимал песчаное возвышение у берега озера, что напоминает расположение других могильников с янтарем в лесной зоне. В ограждении и устройстве могил использованы вертикально стоящие плиты и большие камни, погребения трех типов (А, В, С) были засыпаны охрой. Всего обнаружено 57 одиночных могил, в 2 найдены янтарные украшения, в других только орудия неолита — энеолита. Похожие подвески из янтаря обнаружены на некоторых стоянках Южной Финляндии, В погребении I Колмхаара найдены янтарные кольца (3 экз.), двойное кольцо, подвески (8 экз.), наконечники листовидной формы, скребок и когтевидное орудие. В погребении V — очень крупные янтарные подвески овальной формы (42 экз.) и кремневый наконечник. Сочетание в комплексах янтарных изделий и кремневых листовидных наконечников определяет возраст памятника поздним неолитом — энеолитом (III тыс. до н.э.). Для культуры якерля характерны сосуды с примесью раковины и своеобразный кремневый инвентарь. Уникальные антропоморфные глиняные личины найдены в слое поселения (Edgren, 1966. Fig. 18). В Финляндии открыты новые могильники с янтарем — Писпа и Куккаркоски, датированные IV тыс. до н.э. (Жульников, 2008).

Янтарь на северо-западе русской равнины и в Верхнем Поволжье. В настоящее время самые представительные поселения и могильники нео-

лита — энеолита с янтарем находятся на северо-западе и севере европейской части России, рассеяны от истока и левых притоков Волги до Беломорья (рис. 1). На правых притоках Волги стоянки с янтарем редки.

Изучение янтаря в каменном веке Восточной Европы началось с открытия Н.К. Рерихом в 1902 г. остатков стоянки неолита в засыпке кургана у с. Кончанское на северо-востоке Новгородской области (Рерих, 1903). В южной части кургана под насыпью на уровне материка обнаружено пятно кострища диаметром около 210 см и мощностью 16. Поверх пятна, в слое пережженного красного песка, собрано 267 целых и десятки сломанных янтарных изделий, кремневые орудия и фрагменты керамики с ямочно-гребенчатым, гребенчатым и рамчатым орнаментом. А.Я. Брюсов отнес коллекцию находок к культурному слою стоянки неолита, которую в то время датировали первой половиной II тыс. до н.э. (Брюсов, 1951. С. 27). Кажется удивительным, что такое скопление янтаря могло оказаться в очажном пятне, а не в разрушенном погребении с кострищем и охристым пятном, какие позднее обнаружены М.П. Зиминой при раскопках могильников в Кончанском и Репище. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Мста началось А.Я. Брюсовым в Кончанском в 1964 г., продолжено М.П. Зиминой в 1974—1988 гг. В бассейне Мсты открыты поселения Репище, могильники Репище и Кончанское, ряд небольших стоянок, в итоге выделена мстинская археологическая культура эпохи неолита (Зиминая, 1993).

В Репище выявлены культурные слои нескольких стоянок, от позднего мезолита до неолита и энеолита, с керамикой и инвентарем, характерными для каждого периода. Стоянки последовательно возникали на берегу р. Съезжа, жилые площадки частично перекрывали друг друга на протяжении времени от конца IV до начала III тыс. до н.э. (Зиминая, 1993. С. 42). Самые ранние янтарные предметы (33 подвески и бусины) обнаружены в Репище IV в слое среднего неолита (IV тыс. до н.э.) вместе с керамикой с характерной примесью дресвы в тесте и ямочно-гребенчатым орнаментом. В перекрывающем слое энеолита зафиксирован янтарь вместе с так называемой пористой керамикой.

Могильник Репище занимал склон над поймой р. Съезжа на территории стоянки Репище. Здесь обнаружено 204 погребения, в тех же условиях сухой песчаной почвы, в которой не сохраняется костный материал, поэтому очертания и размеры могил, а также ориентация погребенных прослежены по охристой засыпке могил и редким находкам эмали зубов. В погребениях обнаружены янтарные пуговицы, подвески, кольца, про-

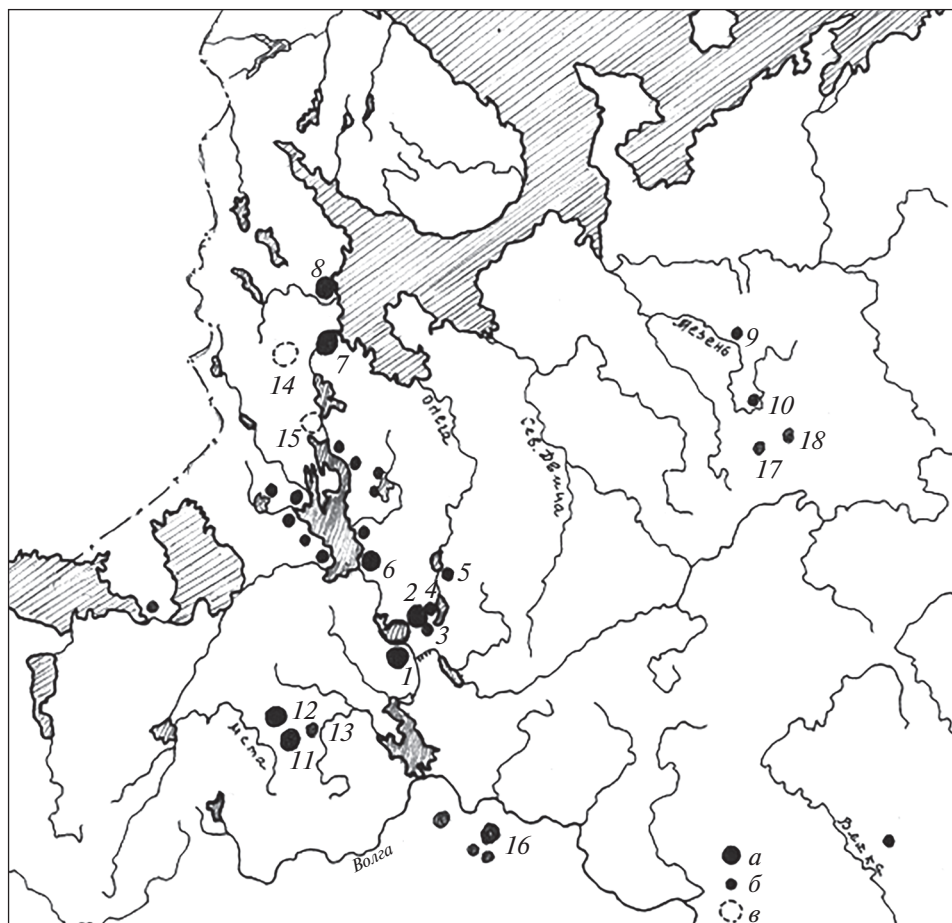

Рис. 1. Карта. Янтарь в неолите – энеолите Восточной Европы. 1 – Каргулино; 2 – Модлона; 3 – Против Гостиного берега; 4 – Мыс Бревенный; 5 – Сухое; 6 – Тудозеро VI; 7 – Залавруга II; 8 – Путкинская; 9 – Попьюга; 10 – Чойновты II; 11 – Репище; 12 – Кончанское; 13 – Иловец; 14 – Оноозеро; 15 – Войнаволоок; 16 – Сахтыш ПА; 17 – Вис II; 18 – Ягу-Яр. Условные обозначения: а – поселения и могильники; б – стоянки; в – группы стоянок.

Fig. 1. Map. Amber during the Neolithic – Eneolithic of Eastern Europe

дия. Уникальная находка – кремневая антропоморфная фигурка (погр. 84). Над некоторыми погребениями были устроены кострища. Могильники Кончанское и Репище датированы III тыс. до н.э., возможно, могильник Репище образовался немного раньше, в конце IV тыс. до н.э. (Zimina, 2001).

Могильник Кончанское располагался на возвышении северного берега оз. Шерегордо. Все 267 погребений залегали в песчаной почве, ориентированы на юго-запад, охрой засыпаны дно могильных ям и погребенные. Костяки не сохранились. Установлено, что погребенные помещены в вытянутом положении, их сопровождал набор кремневых и янтарных предметов – пуговицы, подвески прямоугольные, трапециевидные, ключевидные, кольца, пронизи с расширением в середине. Уникальные предметы (рис. 2) особенно интересны. Среди них фигура с рисунком из сверленных точек на поверхности (погр. 141), со-

лярная подвеска (погр. 7), длинные кремневые наконечники (погр. 60), подвеска в виде левой ладони с пятью сомкнутыми пальцами и отставленным большим пальцем (погр. 149). Этот своеобразный символ-оберег мог иметь охранительное значение (Зими́на, 1992. Рис. 175). В некоторых погребениях янтарных изделий насчитывалось от 1 до 400 экз. При этом в 63 могилах никаких предметов не было (Зими́на, 1993). В двух могильниках найдено всего более 12 тыс. янтарных изделий.

Недалеко от ареала мстинской культуры, на восточном берегу оз. Иловец, в 1968 г. А.С. Урбаном открыты поселение и могильник из пяти погребений, в трех из них найдены янтарные украшения обычных форм – пуговицы, подвески. Интересно погребение 3, в котором кроме пуговиц и подвесок были янтарное кольцо и кремневые фигурки – антропоморфная и две фигуры зверей, одна из них похожа на медведя (Урбан,

1973). На поселении найдена керамика позднего неолита (84%) и пористая (6%). Вероятно, памятник следует отнести к неолиту с гребенчато-ямочной керамикой, хотя исследователь связывал появление янтаря с пористой керамикой.

Таким образом, в бассейне р. Мста и на озерах у истоков р. Молога сосредоточены самые представительные в лесной зоне Восточной Европы поселения и могильники энеолита — неолита с массой янтарных изделий. В огромной коллекции янтаря мстинской культуры преобладают украшения обычных типов, но есть уникальные предметы, например ладонь-оберег или солярный знак. Для погребений Кончанского могильника характерны массивные янтарные подвески с изображениями, очерченными ямками (рис. 2, 1–5). В одном случае показана антропоморфная фигура, в других — схематические изображения (Зими́на, 1992. Рис. 174, 175).

Серия янтарных изделий с орнаментом, рисунками или знаками из ямок представлена в коллекции Р. Клебса из Шварцорте (die Schwarzorte)/Юодокранте в Восточной Пруссии. Это подвески с рисунками из ямок и с зубчатыми краями — объемная треугольная подвеска с острым концом, завершенным сверлиной. Две большие плоские подвески покрыты сплошным ямочным орнаментом (Klebs, 1882. Taf. XI, 8; XII, 1). Самые интересные предметы с ямочным оформлением — массивные фигуры из янтаря, с выпуклой спинкой и впадиной на другой стороне, напоминающие щит и поэтому названные щитовидными (рис. 2, 6, 7). Р. Индреко считал такие подвески женскими фигурами — амулетами или идолами (Frauen Idolhangen), выполненными в традициях культуры гребенчато-ямочной керамики/камке-рамик. Изображения на сакральных янтарных предметах, по его мнению, повторяли орнаментацию или рисунки на глиняных фигурках и сосудах древних культур ямочно-гребенчатой керамики (Indreko, 1957. S. 75).

В связи с вопросом о причинах возникновения огромной общности культур ямочно-гребенчатой керамики на Русской равнине в неолите заслуживает внимания гипотеза о преемственности культурной традиции населения среднего неолита Русской равнины в культурах позднего неолита. В период общего потепления климата носители традиции продвигались на север и запад.

В Верхнем Поволжье в итоге многолетних исследований неолита Д.А. Крайновым, Е.Л. Костылевой, А.В. Уткиным в Ивановской области открыт могильник Сахтыш ПА. Он находился на береговом склоне, погребения занимали две площадки разного уровня. В песчаной почве хорошо сохранились костяки, что позволило установить ориентацию могил на юго-запад. Всего открыто 57 погребений, из них 13 располагалось отдельно

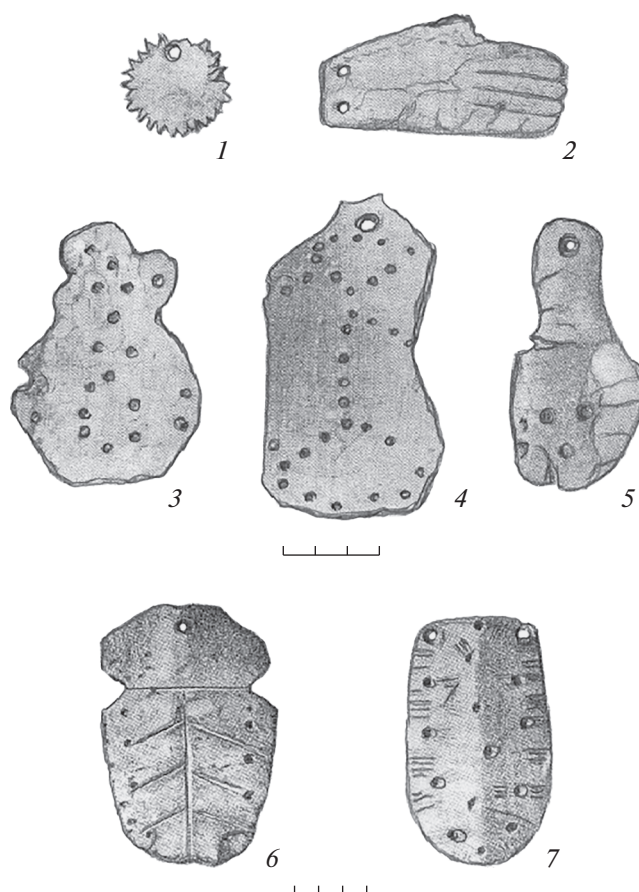

Рис. 2. Уникальные янтарные предметы. 1–5 — могильник Кончанское (по: Зими́на, 1992); 6, 7 — Юодокранте/дiе Schwarzorte (по: Klebs, 1882).

Fig. 2. Unique amber objects. The burial grounds of Konchanskoye (1–5), Juodokrantė/die Schwarzortė (6, 7)

на понижении площадки, где найдены янтарные предметы, причем 90% из них были в двух погребениях (№ 15 и 28). Коллекция янтаря включает в себя пуговицы четырех типов (217 экз.), кольца (5 экз.), а также подвески трапециевидные с прямым основанием, пронизи с расширением в середине. Исключительные предметы не найдены, представлен обычный набор украшений. Радиоуглеродные даты (^{14}C) определили возраст могильника III тыс. до н.э. Антропологический состав населения представлен брахикранным типом и метисами с европеоидной составляющей (Костылева, Уткин, 2000). Часть погребений расположена отдельно на понижении площадки, занятой могильником. Возможно, они относились к отдельной группе населения. Янтарные украшения из погребений вместе с пористой керамикой и характерным кремневым инвентарем из найденных рядом стоянок исследователи относят к волосовской археологической культуре. Предполагается, что в энеолите в Верхнее Поволжье

мигрировала группа населения из Прибалтики (Костылева, Уткин, 2000. С. 184). Подобный вывод не может быть доказан.

Янтарь на севере Восточной Европы. Восточное Прионежье. В свое время событием в изучении каменного века на европейском Севере России стало открытие в 1938 г. свайного поселения Модлона на одноименной реке, в бассейне оз. Воже (Брюсов, 1951). Раскопки продолжены Северной экспедицией ИА РАН в 1970 г. Поселение занимает узкий мыс, образованный р. Модлона и ее правым притоком р. Перешна, постоянно находится ниже уровня воды. Памятник имеет два культурных слоя. Свайное поселение устроено среди рек и болот, состояло из четырех небольших строений на сваях. Спуск к реке тоже огорожен сваями (Ошибкина, 1978. Рис. 13–15). В жилищах собраны янтарные предметы: пуговицы (11 экз.), подвески (8 экз.), фрагмент кольца (Брюсов, 1951. С. 27). Некоторые из них повторяют сланцевые образцы, например диск или янтарное подобие сланцевой ключевидной подвески. Керамика свайного поселения изготовлена из теста с примесью толченой раковины и асбеста, орнамент — вертикальные полосы оттисков гребенчатого штампа. Вооружение состояло из кремневых наконечников листовидной формы и сланцевых. Среди прочего — рубящие орудия, деревянные изделия, предметы искусства, в том числе роговое навершие “жезла” — голова лося с солярным знаком на горле с двух сторон. Керамика свайного поселения и орудия имеют аналогии в культуре якерля. Раскопки были продолжены в 1970 г. Учитывая природно-климатические условия и радиоуглеродные даты (^{14}C), свайное поселение можно отнести к середине III тыс. до н.э. Стоянка Модлона II (верхний слой) существовала позднее на 300–400 лет (Ошибкина, 1978. С. 139. Табл. 42, 43). Присутствие янтаря в свайном поселении Модлона и на расположенных поблизости стоянках каргопольской археологической культуры с ямочно-гребенчатой керамикой свидетельствует о продолжительных контактах населения разных культур в среднем неолите и энеолите.

Вдоль южного побережья Белого озера тянется древняя дюна. В 1947 г. в Каргулино (местное название “Крохино” или “Пески”) при прокладке дороги между Петровским каналом и р. Шексна, на возвышении дюны добывали песок. На сохранившемся участке дюны и на засыпанной этим песком дороге оказались янтарные и кремневые предметы, которые собирали любители и археологи. В Государственный исторический музей поступило 79 янтарных артефактов и 2 кремневых наконечника, в Череповецкий музей — 74 подвески и 4 наконечника, в Вологодский музей — 10 янтарных подвесок. В музеях собрано таким образом более 160 предметов — пуговицы, подвески с

прямым или вогнутым основанием, без нарезок по краям (Ошибкина, 1978. С. 139). В Каргулино найден длинный наконечник беломорского типа, с ромбовидным сечением и струйчатой ретушью. Такие наконечники появились на памятниках Севера и Поволжья только в энеолите. Помимо могильника Каргулино они найдены в Залавруге II вместе с янтарными изделиями (Савватеев, 1977), на стоянке Репище в слое энеолита (Зимина, 1993. Рис. 54), случайная находка зафиксирована на р. Кинема. Наконечники четкой формы отличаются тщательной обработкой поверхности, возможно, были особым оружием, связанным с погребальными обрядами.

В Каргулино, на древней дюне, примерно в 1 км от южного берега Белого озера, находился большой могильник, много предметов из которого попало в частные собрания. Только одно погребение обнаружено в свое время *in situ*. По сообщению художника и краеведа из Череповецкого музея А.А. Алексеевой, в 1947 г. она с группой школьников осматривала южный берег Белого озера, когда на песчаной дюне было замечено пятно ярко окрашенного охрой песка, а в нем — ожерелье из восьми крупных подвесок. Находку сразу зафиксировали в цвете, в настоящей статье она приводится по рисунку автора находки (рис. 3, А). Вместе с ожерельем найдены длинные кремневые наконечники. На других участках дюны еще сохранялись охристые пятна — остатки погребений и отдельные предметы: кремневые наконечники, янтарные подвески и пуговицы (рис. 3, Б).

В 1969 г. предприняты раскопки на сохранившихся участках дюны. Найдена керамика с рыхлым пористым тестом, на черепках остался орнамент из оттисков гребенчатого штампа, вертикальных рядов мелких ямок и узор, выполненный отступающим штампом (Oshibkina, 2001). По керамике памятник может быть сопоставлен со стоянкой в верхнем слое поселения. Если свайное поселение существовало в середине III тыс. до н.э., как показали радиоуглеродные даты, то верхний слой — Модлона II — относится ко второй половине III тыс. до н.э., как и могильник Каргулино (Ошибкина, 1978. С. 127). Янтарь из могильника хорошей сохранности и яркого цвета (рис. 4), хотя найден в сухой песчаной почве. Пористая керамика сохраняет следы ямочного орнамента.

С керамикой вместе фиксируются янтарные предметы или их обломки. На стоянке с названием “Против Гостиного Берега”, расположенной на р. Модлона напротив свайного поселения, при раскопках 1968 г. найдены пуговицы из красного янтаря. Такие же пуговицы разного размера и цвета найдены в слое неолита на стоянке Сухое на р. Ковжа.

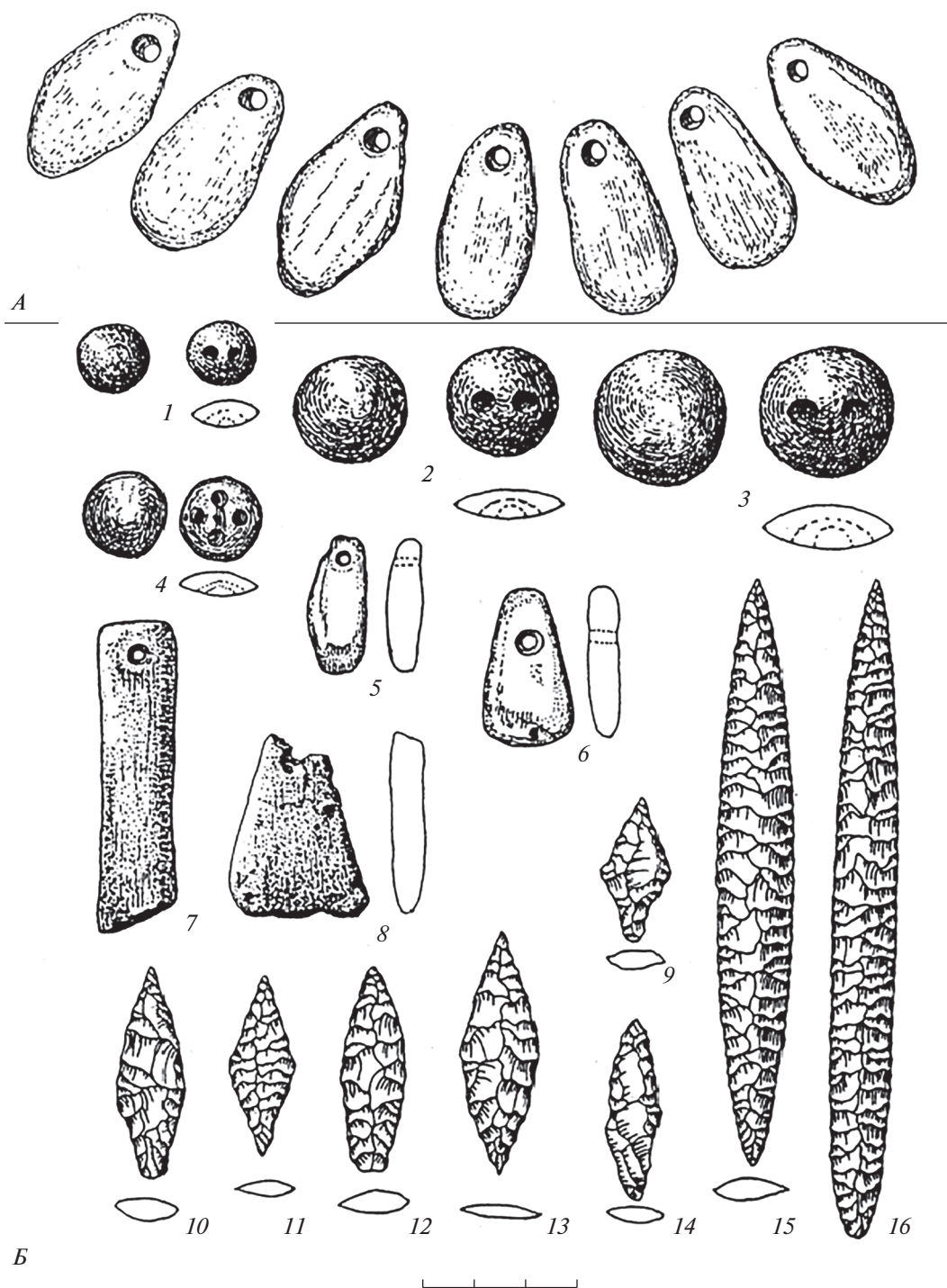

Рис. 3. Каргулино (Крохино или Пески) — могильник у Белого озера. *А* — ожерелье (рисунок А.А. Алексеевой); *Б* — артефакты из раскопа 1968 г.: 1–8 — янтарь; 9–16 — наконечники кремневые (по: Oshibkina, 2001).

Fig. 3. Kargulino (Krokhino or Peski) — a burial ground near Lake Beloye

В Восточном Прионежье или Олонецком крае, как раньше назывался озерный край, бассейн оз. Воже самый удаленный, в системе озер ледникового происхождения занимает промежуточное положение между водоемами западного и север-

ного стоков. Через р. Свирь, оз. Лача и р. Онега сток направлен на север. Такое положение огромного оз. Воже привело к малой изученности его берегов, за исключением бассейна Модлоны, впадающей в озеро с запада, и оз. Святое, откуда

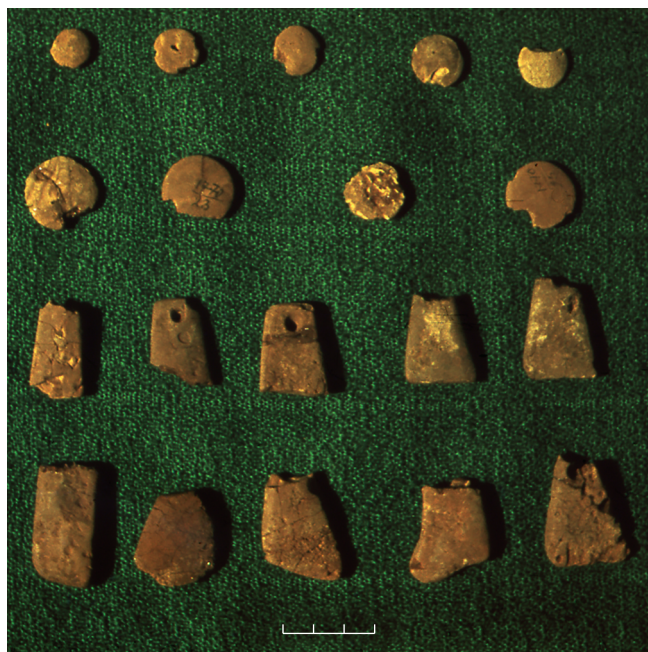

Рис. 4. Каргулино. Подвески и пуговицы. Янтарь. Коллекция ГИМ. Фото автора.

Fig. 4. Kargulino. Pendants and buttons. Amber. The collection of the State Historical Museum. Photo by the author

она берет начало. В 1926 г. сотрудницей Череповецкого музея на западном берегу оз. Воже была проведена разведка в устье р. Елома. В 1.5 км южнее с. Чаронда, в местности Три сосны на разрушенной стоянке найдена керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, а также две кремневые антропоморфные фигурки, судя по динамичной позе, они типичны для каргопольской культуры (Ошибкина, 1978. Рис. 12, 1, 2).

На западном берегу оз. Воже в 1968 г. у мыса Бревенного Северной экспедицией ИА РАН открыта стоянка с двумя слоями неолита. На окраине стоянки находился могильник — восемь погребений, углубленных в материк, перекрытых нижним слоем неолита с ямочно-гребенчатой керамикой. Погребения ориентированы на север, в четырех случаях умершие прикрыты крупными валунами. В погребении 4 нижнюю часть скелета прикрывали большие валуны, рядом с ними находился миниатюрный сосуд с орнаментом, типичным для каргопольской культуры (рис. 5, 11). В погребении 6 (Ошибкина, 1978. Рис. 10. Табл. 32) на груди скелета обнаружена маленькая янтарная бусина (рис. 5, 8). Инвентарь из погребений и керамика стоянки относят памятник к среднему неолиту или раннему периоду каргопольской культуры — IV тыс. до н.э.

Стоянка и могильник Мыс Бревенный находятся на окраине ареала каргопольской культуры. Западнее, до бассейна р. Модлона с рукавом (р. Елома) и оз. Святое, тянется болотистая низина, где памятники археологии известны более по берегам рек. Объекты в местности Мыс Бревенный с четкой стратиграфией, тем более находка янтаря в погребении, свидетельствуют о продвижении неолитической каргопольской культуры в озерные бассейны таежной зоны, а также о появлении янтарных изделий в среде населения среднего неолита. На карте стоянок неолита, обнаруженных на берегах оз. Воже, начатой в 1916 и завершенной в 1937 г. известным геоморфологом К.К. Марковым (1934), показано множество памятников (рис. 6). Впоследствии К.К. Марковым сделана первая попытка датирования памятников каменного века бассейна р. Модлона (от атлантического до субатлантического периода) на основании серии стратиграфических разрезов. Эту датировку (и ее обоснование) отметил и не согласился с ней А.Я. Брюсов (1951. С. 63, 64).

В наше время берега оз. Воже совершенно оставлены жителями. В неолите бассейны северных озер были освоены охотниками-собираателями, в основном населением каргопольской культуры, достаточно плотно. Тем более интересны связи торгового или обменного характера с территориально удаленными группами населения, о чем свидетельствует появление даже здесь янтарных украшений.

Карелия. До недавнего времени в Карелии было известно 34 памятника с янтарными изделиями, примерно половина находок происходит из стоянок бассейна Белого моря (Жульников, 1999. С. 68; 2020). В Залавруге II, в низовье р. Выг, открыто погребальное сооружение — два кострища, две каменные кладки, линза охристого песка в окружении валунов. Внутри линзы, под камнями и рядом с ними найдены янтарные украшения (68 экз.) и кремневые наконечники двух видов — типичные длинные и мелкие треугольные. Среди янтарных изделий — пуговицы, подвески овальные, прямоугольные и трапециевидные, остатки ожерелий, две подвески-диски, солярные символы (Савватеев, 1977. Рис. 90). Янтарные изделия появляются в позднем неолите на стоянках с гребенчато-ямочной керамикой. На поселении Черная Губа IX, в жилище 1 (4840 ± 80 — ТА 2023), найдены пластины янтаря со следами починки и сверления, а значит обработки украшений на месте. По данным А.М. Жульникова, некоторые стоянки и могильники могут быть датированы IV тыс. до н.э.

Вблизи юго-восточного побережья Онежского озера, у Тудозера, А.М. Иванищевым и М.В. Иванищевой открыт могильник Тудозеро VI из 10 погребений с янтарными украшениями. Это пуго-

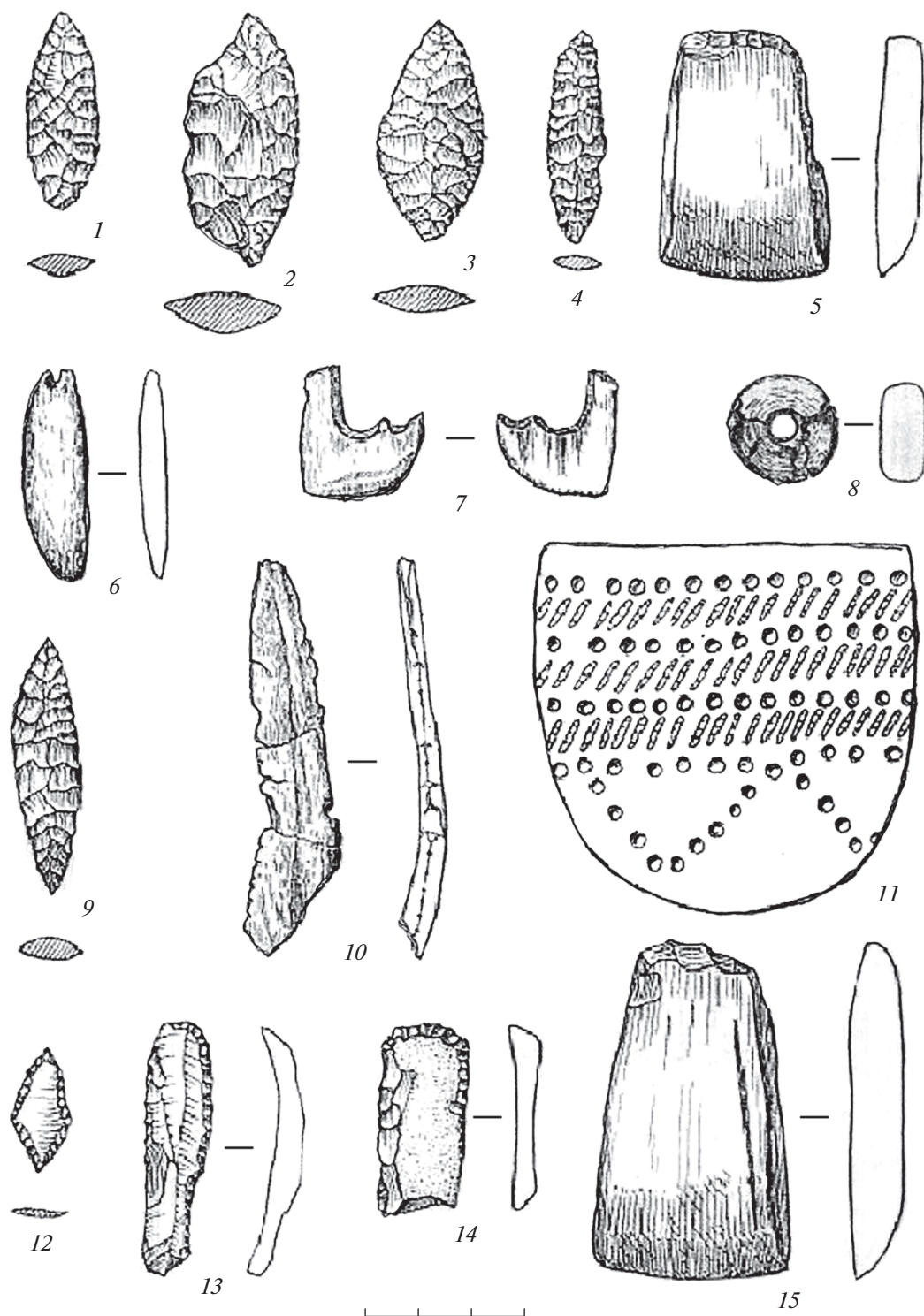

Рис. 5. Могильник Мыс Бревенный, 1968–1969 гг. 1, 2 – погр. 2; 3 – погр. 7; 4, 5 – погр. 5; 6, 7, 9–11 – погр. 4; 8 – погр. 6; 12–15 – погр. 8 (по: Ошибкина, 1978).

Fig. 5. The burial ground of Brevenny Cape, 1968–1969

вицы (117 экз.), подвески (81 экз.), пронизи (177 экз.), кольца (15 экз.). Подвески трапециевидной формы, с вогнутым основанием, некоторые с зубчатым краем, одна подвеска ключевидной фор-

мы. Пуговицы и кольца – с линзовидным и сегментовидным сечением. Эта деталь относит их к концу неолита и датирует Тудозеро VI концом III – началом II тыс. до н.э. (Иванишев, 1997. С. 8).

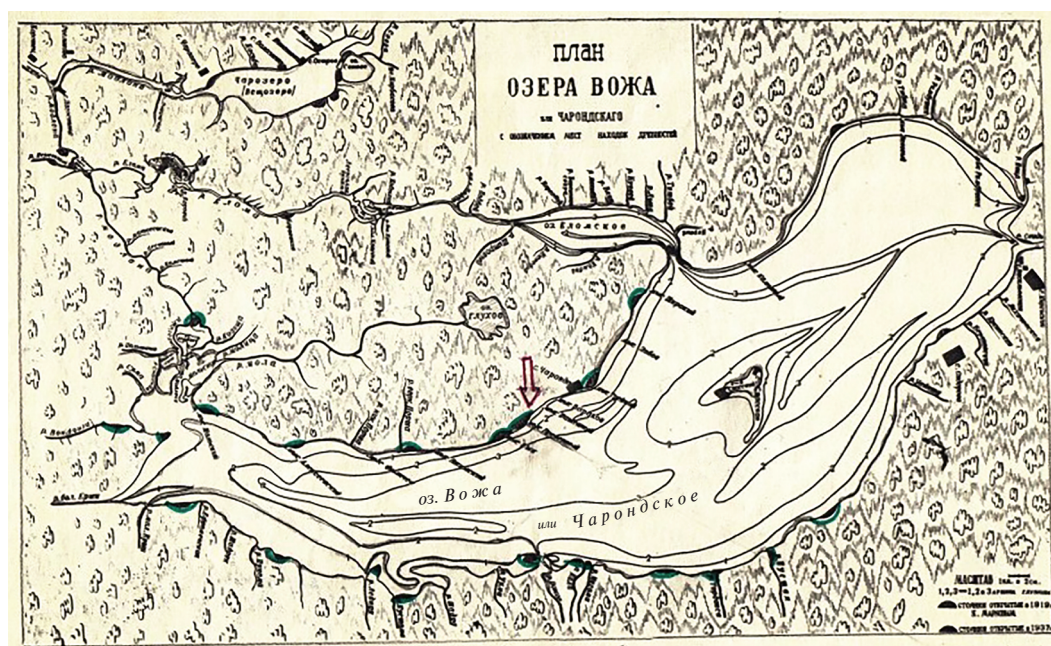

Рис. 6. Озеро Воже. Чаронда, Мыс Бревенный – стоянка и могильник (исследованный автором памятник обозначен стрелкой). Карта К.К. Маркова, 1937 г. с указанием стоянок неолита (из архива автора).

Fig. 6. Lake Vozhe. Charonda, Brevenny Cape – the site and burial ground (the arrow indicates the site investigated by the author). Map by K.K. Markov, 1937, indicating Neolithic sites (from the author's archive)

Бассейн р. Мезень. В позднем неолите янтарные предметы попадали в самые удаленные регионы Восточной Европы. В верхнем течении р. Мезень, на поселении Чойновты II, в заполнении жилища (№ 13) найдена подвеска треугольной формы вместе с черепками пористой керамики с гребенчатым орнаментом. Исследование янтаря показало, что он балтийского происхождения. Поселение относится к чойновтинской археологической культуре, датировано III тыс. до н.э. (Стоколос, 1997. С. 296). Единичные изделия найдены на стоянках Попьюга (жилище 9) и Ягюяр. На известной стоянке неолита Вис II недавно открыто два погребения. В одном (№ 1) оказались 22 круглые пуговицы хорошей сохранности, со сквозными отверстиями или V-образным сверлением. В погребении 2 обнаружен кремневый бифас (Карманов, 2020. С. 81–97). Открытие новых памятников неолита с янтарем на Крайнем Северо-Востоке показывает, что с начала IV тыс. до н.э. обмен янтарем и прочими предметами активно расширился, достигая Севера и Приуралья.

Итак, в среднем неолите (конец V–IV тыс. до н.э.) на Русской равнине возникла общность культур с ямочно-гребенчатой керамикой, сменившая редкое население эпохи мезолита и раннего неолита. В это время янтарь встречается в исключительных случаях, а южнее верхнего течения Волги практически не известен.

В итоге исторического процесса и роста населения в центре Русской равнины, известного как демографическая революция неолита, культура с ямочно-гребенчатой керамикой со временем (IV тыс. до н.э.) продвигается на север до Белого моря, на северо-восток до тундровой зоны, на северо-запад до побережья Балтики. В позднем неолите и энеолите в Восточной Европе и Прибалтике на этой основе возникает несколько ярких культур, появляются огромные и малые могильники, маркирующие движение населения и развитие культур. Основной территорией распространения янтаря становится северная часть (лесная зона) Восточной Европы. Хронология этого явления определяется чаще всего традиционно (IV–III тыс. до н.э.) и в дальнейшем может уточняться исследователями.

Распространение янтаря в среднем неолите предполагает, что причиной явления были не военные походы населения или миграции в полярные пределы, а обменные и торговые контакты, что приводило к адаптации к природным условиям и обычным связям групп населения разного уровня исторического развития. Распространение достаточно стандартных наборов янтарных вещей, что само по себе отвечает правилам обмена, не приводило к изменению традиций, материальной культуры и сакральных предметов.

В больших и малых могильниках неолита наборы янтарных предметов распределяются при-

мерно сходным образом. Ряд захоронений сопровождают огромные наборы янтарных и сакральных вещей. Основная же часть могил любого могильника имеет скромные украшения или оружие, примерно треть погребений вообще не содержит никаких погребальных даров. Очевидно, в этом следует видеть социальное расслоение, существование неравенства и сложение в общинах института старейшин или вождей.

О происхождении общности культур ямочно-гребенчатой керамики и дальнейшей их трансформации существуют гипотезы, например о возможном истоке их в палеолите. Более убедительна гипотеза Р. Индреко о сохранении традиций культуры ямочно-гребенчатой керамики в позднем неолите, в среде населения с гребенчато-ямочной керамикой, где янтарные сакральные предметы украшены ямочным орнаментом, а нарезки по контуру подвесок повторяют детали оформления глиняных фигур или “идолов” древних неолитических культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР / Ред. М.Е. Фосс. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951 (Материалы и исследования по археологии СССР; № 20). С. 7–76.
- Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига: Зинатне, 1970. 147 с.
- Жульников А.М. Энеолит Карелии (Памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск, 1999. 223 с.
- Жульников А.М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н.э. как фактор социального взаимодействия [Электронный ресурс] // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. Т. 1. СПб.: Наука, 2008. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025271-4/978-5-02-025271-4_14.pdf (дата обращения: 15.07.2022).
- Зими́на М.П. Искусство в неолите — энеолите // Ошибкина С.В., Крайнов Д.А., Зими́на М.П. Искусство каменного века. М.: Наука, 1992. С. 112–131.
- Зими́на М.П. Каменный век бассейна реки Мсты. М.: Наука, 1993. 268 с.
- Иванищев А.В. Древности Вытегории // Вытегра: краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1997. С. 11–42.
- Карманов В.Н. Погребения эпох энеолита и бронзы на европейском Северо-Востоке России: проблема атрибуции // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 81–97.
- Косорукова Н.В., Кулькова М.А., Пиецонка Х. Хронология раннего неолита бассейна озера Воже // Уральский исторический вестник. 2018. № 3 (60). С. 78–86.
- Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш Па // Тверской археологический сборник. Вып. 4, т. 1. Тверь: Тверской гос. объедин. музей, 2000. С. 175–184.
- Лозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979. 204 с.
- Марков К.К. Поздне- и послеледниковая история окрестностей Ленинграда на фоне поздне- и послеледниковой истории Балтики // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. Т. IV, вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. С. 5–70.
- Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 230 с.
- Перих Н.К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой (раскопки, произведенные в 1902 г.) // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. Т. 5, вып. 1. СПб., 1903. С. 14–43.
- Савватеев Ю.А. Залавруга. Т. II. Л.: Наука, 1977. 325 с.
- Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 213–313.
- Урбан А.С. Поселение и могильник Иловец // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 137. С. 110–113.
- Янитс Л.Ю. К вопросу об этнической принадлежности неолитического населения территории Эстонской ССР // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1956. С. 142–171.
- Andersen S.H. Mesolithic coastal settlement // Digging into the Past. 25 years of the archaeology in Denmark / Eds. S. Hvass, B. Storgaard. Copenhagen: The Royal Society of Northern Antiquaries, 1993. P. 65–68.
- Brinch Petersen E. The Late Palaeolithic and the Mesolithic // Digging into the Past. 25 years of the archaeology in Denmark. Copenhagen: The Royal Society of Northern Antiquaries, 1993. P. 45–48.
- Butrimas A. Amber Discs with cross decoration in the South Eastern Baltic. Vilnius: Academy of Arts Press, 2018. 115 p.
- Edgren T. Jäkärälä-gruppen. En västfinsk kulturgrupp under yngre stenålder. Helsingfors: Finska fornminnesföreningen, 1966 (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja / Finska Fornminnesföreningens Tidsskrift; 64). 159 s.
- Grigelis A. Outline on geology of amber-bearing Deposits in the Sambian Peninsula // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 35–40.
- Indreko R. Die Idolanhänger — Amulette // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1957. 58. S. 61–79.
- Irsenas M. Stone age amber figurines from the Baltic Area // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 77–85.
- Jaanits L. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1957. № 58. S. 80–100.
- Klebs R. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Bagerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens aus den Sammlungen der Firma Stantien & Becker und der physik.-ökonom. Gesellschaft. Königsberg: Koch, 1882. 80 S.

- Larsson L. Skateholm: cemeteries in the West and in the East // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1994. С. 55–57.
- Larsson L. The sun from the sea – amber in the Mesolithic and Neolithic of Southern Scandinavia // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 65–75.
- Loze I. Some aspects of research on middle Neolithic amber in the Lake Lubāns depression // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 125–133.
- Luho V. Frühe kammkeramik // Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. 1957. № 58. S. 141–159.
- Oshibkina S.V. Amber in the Neolithic and Eneolithic of European Russia // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 135–139.
- Reich M., Reitner J. Aus der Königsberger Bernsteinsammlung “Schwarzortor Funde”. Göttingen: Geowissenschaftliches Museum, 2014 (GAIAInform; 6). 8 S.
- Rimantiene R. Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 87–98.
- Ward Aber S., Kosmowska-Ceranowicz B. Kansas amber: Historic review and new description // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 27–33.
- Zagorska I. Amber graves of Zvejnieki Burial ground // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 109–124.
- Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Rīga: Sinatne, 1987. 135 s.
- Zimina M.P. Amber decorations from the Valdai Lake Region burial grounds // Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, 2001 (Acta Academiae Artium Vilnensis; 22). P. 145–148.

AMBER PRODUCTS IN THE NEOLITHIC – ENEOLITHIC OF THE FOREST ZONE OF EASTERN EUROPE

Svetlana V. Oshibkina^{a, #}

^a Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

[#]E-mail: ra@iaran.ru

The reason for the wide spreading of amber jewellery in the forest zone of Eastern Europe during the Neolithic – Eneolithic remains an open question. Normally, there is no amber raw material at the sites; traces of refinement or repair of objects are recorded occasionally. Perhaps an active exchange of amber products for furs or some types of stone took place as early as in ancient times. Indirect evidence of this may be a sharp increase in hunting for marten at hunter-gatherer sites at the end of the Mesolithic and, especially, in the Neolithic, which can be observed in the range of faunal remains at the sites of the Upper Volga region and the North. On the burial grounds of that period in the forest zone of Eastern Europe, there is a noticeable difference in the distribution of amber products and other prestigious items. Moreover, especially rich burials emerged, which can be explained by the social stratification of communities and the separation of rich or especially respected hunters. The emergence of amber products did not change the traditions of local ethnic and cultural formations (cultures) anywhere.

Keywords: amber products, the Neolithic – Eneolithic, the Baltics, the north of Eastern Europe.

REFERENCES

- Andersen S.H., 1993. Mesolithic coastal settlement. *Digging into the Past. 25 years of the archaeology in Denmark*. S. Hvass, B. Storgaard, eds. Copenhagen: The Royal Society of Northern Antiquaries, pp. 65–68.
- Brinch Petersen E., 1993. The Late Palaeolithic and the Mesolithic. *Digging into the Past. 25 years of the archaeology in Denmark*. Copenhagen: The Royal Society of Northern Antiquaries, pp. 45–48.
- Bryusov A.Ya., 1951. Stilt house settlement on the river Modlona and other sites in Charozero district, Vologda Region. *Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla na severe evropeyskoy chasti SSSR [Neolithic and early metal age settlements in the north of the USSR's European part]*. M.E. Foss, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 7–76. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR, 20). (In Russ.)
- Butrimas A., 2018. Amber Discs with cross decoration in the South Eastern Baltic. Vilnius: Academy of Arts Press. 115 p.
- Edgren T., 1966. Jäkärälä-gruppen. En västfinsk kulturgrupp under yngre stenålder. Helsingfors: Finska fornminnesföreningen. 159 p. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja / Finska Fornminnesföreningens Tidskrift, 64).
- Grigelis A., 2001. Outline on geology of amber-bearing Deposits in the Sambian Peninsula. Baltic Amber. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 35–40. (Acta Academiae Artium Vilnensis, 22).
- Indreko R., 1957. Die Idolanhänger – Amulette. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 58, pp. 61–79.

- Irsenas M., 2001. Stone age amber figurines from the *Baltic Area*. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 77–85. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Ivanishchev A.V., 1997. Antiquities of the Vytegra land. *Vytegra: kraevedcheskiy al'manakh [Vytegra: Local history almanac]*, 1. Vologda, pp. 11–42. (In Russ.)
- Jaanits L., 1957. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 58, pp. 80–100.
- Karmanov V.N., 2020. Eneolithic and Bronze Age burials in the European North-East of Russia: the issue of attribution. *Povolzhskaya arkheologiya [The Volga River region archaeology]*, 1 (31), pp. 81–97. (In Russ.)
- Klebs R., 1882. Der Bernsteinschmuck der Steinzeit von der Baggerei bei Schwarzort und anderen Lokalitäten Preussens aus den Sammlungen der Firma Stantien & Becker und der physik.-ökonom Gesellschaft. Königsberg: Koch. 80 p.
- Kosorukova N.V., Kul'kova M.A., Pietsonka Kh., 2018. Early Neolithic chronology of Lake Vozhe basin. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik [Ural historical journal]*, 3 (60), pp. 78–86. (In Russ.)
- Kostyleva E.L., Utkin A.V., 2000. Volosovo burials with amber from the Sakhtysh IIa cemetery. *Tverskoy arkheologicheskiy sbornik [Tver collected articles on archaeology]*, iss. 4, vol. 1. Tver': Tverskoy gosudarstvennyy ob"edinenyy muzey, pp. 175–184. (In Russ.)
- Larsson L., 1994. Skateholm: cemeteries in the West and in the East. *Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchennaya 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.I. Ravdonikasa [International conference to the 100th anniversary of Professor V.I. Ravdonikas]*. St. Petersburg: Gosudarstvennyy Ermitazh, pp. 55–57.
- Larsson L., 2001. The sun from the sea – amber in the Mesolithic and Neolithic of Southern Scandinavia. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 65–75. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Loze I., 2001. Some aspects of research on middle Neolithic amber in the Lake Lubāns depression. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 125–133. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Loze I.A., 1979. Pozdnyy neolit i rannyya bronza Lubanskoy ravniny [The Late Neolithic and Early Bronze Age of the Lubans Plain]. Riga: Zinatne. 204 p.
- Luho V., 1957. Frühe kammkeramik. *Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja*, 58, pp. 141–159.
- Markov K.K., 1934. Late- and post-glacial history of the Leningrad environs against the background of the late- and post-glacial history of the Baltic. *Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda [Proceedings of the Commission for the Quaternary Studies]*, vol. IV, iss. 1. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 5–70. (In Russ.)
- Oshibkina S.V., 1978. Neolit Vostochnogo Prionezh'ya [The Neolithic of Eastern Lake Onega period]. Moscow: Nauka. 230 p.
- Oshibkina S.V., 2001. Amber in the Neolithic and Aeneolithic of European Russia. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 135–139. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Reich M., Reitner J., 2014. Aus der Königsberger Bernsteinsammlung “Schwarzorter Funde”. Göttingen: Geowissenschaftliches Museum. 8 p. (*GAIAInform*, 6).
- Rerikh N.K., 1903. Some antiquities of the Dereva and Bezichichi pyatinas (regions): excavations of 1902. *Zapiski Otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva [Transactions of the Russian and Slavic Archaeology Department of the Imperial Russian Archaeological Society]*, vol. 5, iss. 1. St. Petersburg, pp. 14–43. (In Russ.)
- Rimantiene R., 2001. Die Bernsteinerzeugnisse von Šventoji. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 87–98. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Savvateev Yu.A., 1977. Zalavruga [Zalavruga], II. Leningrad: Nauka. 325 c.
- Stokolos V.S., 1997. The Eneolithic and Bronze Age. *Arkheologiya Respubliki Komi [Archaeology of the Komi Republic]*. Moscow: DiK, pp. 213–313. (In Russ.)
- Urban A.S., 1973. The Ilovets settlement and burial ground. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 137, pp. 110–113. (In Russ.)
- Vankina L.V., 1970. Torfyanikovaya stoyanka Sarnate [The Sarnate peat site]. Riga: Zinatne. 147 p.
- Ward Aber S., Kosmowska-Ceranowicz B., 2001. Kansas amber: Historic review and new description. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 27–33. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Yanits L.Yu., 1956. On the ethnicity of the Neolithic population on the territory of the Estonian SSR. *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda [Issues of the ethnic history of the Estonian people]*. Tallin: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 142–171. (In Russ.)
- Zagorska I., 2001. Amber graves of Zvejnieki Burial ground. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 109–124. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).
- Zagorskis F., 1987. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauks. Riga: Sinatne. 135 p.
- Zhul'nikov A.M., 1999. Eneolit Karelii (Pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy) [The Eneolithic of Karelia (Sites with porous and asbestos ware)]. Petrozavodsk. 223 p.
- Zhul'nikov A.M., 2008. Amber exchange in Northern Europe in the 3rd millennium BC as a factor of social interaction (Electronic resource). *Problemy biologicheskoy i kul'turnoy adaptatsii chelovecheskikh populyatsiy [Issues of biological and cultural adaptation of human populations]*, 1. St. Petersburg: Nauka. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-025271-4/978-5-02-025271-4_14.pdf. (In Russ.)
- Zimina M.P., 1992. Art in the Neolithic–Eneolithic. Oshibkina S.V., Kraynov D.A., Zimina M.P. *Iskusstvo kamennogo veka [Art of the Stone Age]*. Moscow: Nauka, pp. 41–111. (In Russ.)
- Zimina M.P., 1993. Kamennyy vek basseyna reki Msty [The Stone Age of the Msta River region]. Moscow: Nauka. 268 p.
- Zimina M.P., 2001. Amber decorations from the Valdai Lake Region burial grounds. *Baltic Amber*. Vilnius: Vilniaus Dailes akademijos leidykla, pp. 145–148. (*Acta Academiae Artium Vilnensis*, 22).